

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
январь 1982 г.
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

В заключение можно сделать следующий вывод: Маулави был первым курдским поэтом, который в столь широком объеме ввел в стихи образы реальной курдской природы, и впервые показал ее в живом движении.

1. Абдулла Горан, Памяти Пирамерда, Багдад, 1959, с.97.
2. Мала Абдуль-Карим Мударрис, Диван Маулави, Багдад, 1961.
3. Специальная работа о наименованиях ветра в курдском языке - М. Mokri, Les Vents du Kurdistan, Contribution Scientifique aux études iraniennes, Paris, 1970, с.233-257.

М. А. Болдырева

СУФИЙСКИЕ ВЛИЯНИЯ В ПОЭЗИИ СУБАГИО САСТРОВАРДОЙО

Настоящее сообщение посвящено выявлению тех идеологических концепций (восточных, традиционных, и отчасти западных, современных), которые оказали существенное влияние на творчество одного из крупнейших поэтов современной Индонезии Субагио Састровардойо.

Субагио Састровардойо - известный писатель, литературный критик и поэт современной Индонезии. В его лучшем поэтическом сборнике "Пограничная зона" есть стихи, исполненные высокой гражданской ответственности и гуманизма.

На его творчество очевидное и несомненное влияние оказали современная западная поэзия и философия экзистенциализма. Этого поэта смело можно считать выразителем экзистенциализма в индонезийской поэзии-философии, оказавшей сильнейшее влияние на литературу и искусство Индонезии 50-60 гг. Но в стихах Субагио Састровардойо несомненно и иное влияние - идеологии суфизма.

Суфизм, это - мистицизм в исламе, "возникший на исламской почве в результате естественного развития исламской религии в условиях феодального общества",¹ с его культом бедности и даже проповедью нищеты, интересом к духовной жизни человека в сфере эмоций, - с его оппозиционностью по отношению к светской власти и по отношению к ортодоксальному исламу нашел живой отклик среди определенной части населения Нусантары. В конце XVI-XVII веков он становится в первых прибрежных городах-государствах Нусантары одной из самых распространенных форм мусульманского вероисповедания.

Можно считать, что культура Нусантры подверглась влиянию двух мировых религий - индуизма, начиная примерно с V в., и ислама (в

последнем существенную роль играл суфизм). Естественно, что яванская религия и так называемый "яванизм" представляют собой своеобразный синтез элементов этих двух религий, куда, несомненно, вошли и собственно индонезийские древние анимистические культы.

В своем послесловии к сборнику "Симфония" поэт утверждает, что стихи есть голос подсознания, или интуиции; посредством подсознания обнаруживается присутствие бога как центра всякого сознания в любом движении и обличье: в грязи, в человеческом лице, в падающих листьях (Это — о стих. "Знак" — "Tanda"/.³

В стихотворении "Знак", в известной мере, очевидно, отразилась индуистская доктрина единства всего сущего — идея всеобщего космического первоначала, мировой силы, проникающей всю вселенную и являющейся одновременно частью отдельной человеческой души. Но еще в большей степени здесь, повидимому, сказались пантеистические элементы суфийского мировосприятия, состоящие в отождествлении бога и мира.

"Так как каждая форма бытия — так или иначе отражение абсолюта, то, следовательно, единое бытие можно найти в каждой пылинке", — писал Е. Э. Бертельс о суфийской поэзии.⁴

Пантеистические идеи крайнего суфия Ибн Ал Араби сводятся к тому, что истинное бытие всех вещей есть бог; все вещи мира и души людей представляют эманации божественного первоисточника, поэтому божественная сила разлита во всем мире.

Клиффорд Гирц в книге "Религия Явы" пишет: "...для многих яванских пилигримов, выросших в обществе, в котором мистицизм всегда был характерной темой, экстагическая практика суфиев была безусловно привлекательной".⁵

Наличие элементов суфийского мировосприятия, состоящего в том, чтобы "за россыпью явлений узреть их единство, в незначительном обнаружить божественное"⁶, можно также наблюдать в другом стихотворении Субагио Састровардойо — "Птица" — "Burung" и, что особенно важно, в истолковании его самим поэтом: "Очевидность приводит к сознанию, что земля и моя жизнь — это нечто священное, в том значении, что оно содержит связь сущностей более высоких, более значительных",⁷ — пишет Субагио в своем послесловии.

Стихотворение "Птица":

Птица
еще близка к ангелу
потому что она имеет крылья
и шепчет своими крыльями

на языке
нам чуждом.
Бессловесная песня шуршит
в начале и в конце дня.
Все предвещающий ветер
дует на краю земли.

Жизнь становится значительной и священной.

В своем послесловии к стихам "Симфонии" Субагио Састровардойо заявляет: "Я не слепой последователь какого-либо философского учения или религиозной догмы"⁸ Источник индивидуального опыта, по Субагио – в глубинах подсознания, опыт – интуитивный.

Отказ Субагио следовать определенной религиозной догме находит определенное соответствие в безразличии суфизма к той или иной догме религии, например, того же крайнего суфия-пантеиста Ибн Ал-Араби. "Согласно Ибн Ал-Араби, веру, основанную на догматах или на умозрении, можно опровергнуть. Личную, интуитивную веру опровергнуть нельзя. Поэтому форма религии несущественна".⁹

А для другого представителя крайнего пантеистического суфизма, персидского поэта Джалаль ад-Дин Руми¹⁰ "характерно предпочтение личной эмоциональной веры, пусть даже примитивной и бесхитростной, догматической вере теологов..."

Влияние именно иранского суфийского мистицизма на культурную жизнь Нусантары неудивительно: языком ислама на Малайском архипелаге сначала был, главным образом, персидский язык, который был языком мусульманских мореходов. Влияние фарси – персидского литературного языка – усиливается на Малайском архипелаге в XV веке вследствие расцвета литературы на этом языке в Индии, через которую в большой степени осуществлялось влияние как фарсиязычной литературы, так и мусульманского мистицизма.

Существует множество произведений малайской литературы, представляющих как переводы с персидского, так и малайские версии персидских источников. Для этих произведений характерны идеи и умонастроения суфийского мистицизма.

В своем послесловии к "Симфонии" Субагио Састровардойо далее говорит, что из глубин подсознания (отождествляемого им с интуицией), голосом которого являются стихи, могут родиться "тени необыкновенных, редких мыслей, которые лишь раз появляются перед нашим внутренним взором. В такие моменты мы пребываем в сознании самом чистом, выражающем себя и ситуацию вокруг нас до самой сути"¹¹

Стихи, представленные в сборнике "Симфония", являются для поэта "результатом борьбы за то, чтобы отвоевать всплески такого сознания прежде, чем они потонут снова в тупом "несознании". Целью жизни и творчества для него являются эти "вершины сознания".

В этом смысле он сравнивает себя с "вором, который вступил в пещеру, полную золота, и спешит выбежать вон раньше, чем дверь захлопнется, и золото в его руках превратится в прилипшую к ним кровь, кровь сожаления и тупого страдания". Это он говорит о своем стихотворении "Али Баба" - "Ali Baba".¹² Строки этого стихотворения:

Эти стихи говорят:
шальные деньги
которые я украл
из пещеры, полной золота
высыпались из тысячепалой руки
что прижималась к неистово бьющемуся сердцу
пока я бежал.
Прежде чем великан Хранитель
приблизится и
закроет все двери -
деньги в руках
станут кровью, прилипшей к ним!
/. /

Моменты "высшего сознания" и истины, открывающейся в такие мгновения, что является смыслом этого стихотворения, в истолковании самого поэта, напоминают состояние мистического озарения суффия, так называемого "хал'а". Хотя нельзя не признать, что "хал" как экстатическое состояние, вызванное музыкой, пением на радениях, существенно отличается от моментов "высшего", просветленного сознания в понимании Субагио Састровардой. Но оба эти состояния сходны тем, что, согласно суфийскому учению, в состоянии "хал'а" и в моменты "озарения", о которых говорит Субагио, - постигается, открывается истина.

Целью поэзии для Субагио Састровардой является фиксация этого голоса "истины". Фиксация "хал'а" также становится уделом поэзии.

Вневременность "хал'а", трудность в связи с этим его фиксации сходны с кратковременностью, неуловимостью состояния озарения, о котором Субагио говорит в своем стихотворении "Али Баба". Но здесь речь идет, повидимому, не только о невозможности удержать это состояние, но и о "запретности" углубления в него.

Об этом поэт также говорит в своем послесловии к стихам "Симфонии" – относительно стихотворения "Чувство вины" – "Rasa dosa".¹³ "Кто когда-либо испытывал состояние близости с духом /я повторяю: с подсознанием/, должен был испытывать волнение, подобное тому, которое испытывал Мухаммед перед Гавриилом на холме Хира. В этом сознании, самом чистом, мы можем лишь онеметь, а каждое движение мысли, которое пытается проникнуть в таинственную и священную сущность, ощущается как грех". Здесь Субагио приводит последние строки стихотворения "Чувство вины".

Приведем это стихотворение:

белое лицо в окне
следует за мной с рассвета
все неизменно
душа
ступает, оставляя следы в грязи сердца
слово
голос отдаётся в вечной пустоте
рука
пальцы дрожат, закрывая стих
глаза
последнее воспоминание себя сжигают
белое лицо в окне
следует за мной с рассвета
рука моя парализована.

"Чувство вины", происходящее от сознания перехода через границу дозволенного в состоянии озарения, /а в понимании Субагио, как говорилось выше, в состоянии достигнутой близости к духу" – "подсознанию"/ можно воспринять как "шатх" /что означает по-арабски "выход", "выход из своего я", "потеря сознания"/ – состояние, когда суфий, находясь в экстазе и утрачивая сознание своего "я", ощущает себя в роли божества /меняется с ним местами/ и говорит от его имени. Так, крайний суфий-пантеист Мансур ал-Халладж перешел "границу дозволенного" в глазах приверженцев правоверного ислама своим знаменитым изречением "Я – истина /бог/ – /"Ана-л-хакк"/, за что был обвинен ими в самообожествлении и казнен страшной казнью в 922 году как еретик. Крайние суфии чтили его как святого и видели в его словах лишь "шатх".¹⁴

Нам представляется, что вышеприведенное стихотворение "Чувство вины", истолкованное самим поэтом в духе явано-суфийского

мистицизма, — в свете целого ряда стихотворений Субагио явно экзистенциалистского толка, — носит все же отпечаток и философии экзистенциализма: изначальное чувство вины свойственно экзистенциальному человеку.¹⁵ Можно считать, что здесь — в этом стихотворении — столкнулись, а может быть и синтезировались два влияния: яванского мистицизма, впитавшего в себя мистицизм суфийский, и западной философии современного экзистенциализма.

1. И.П.Петрушевский, Ислам в Иране. Л., 1966, с.314.
2. Б.Б.Парникель, Введение в литературную историю Нусантары IX—XIX вв. М., 1980, с.94.
3. Subagio Sastrowardoyo, Simphoni, p.20.
4. Е.А.Бертельс, Суфизм и суфийская литература. М., 1965, с.II7.
5. Clifford Geerts, The religion of Java, Illinois, 1980, p.21.
6. Мирза Галиб, Избранное, М., 1980, с.2I.
7. Subagio, Simphoni, p.42.
8. Subagio, Simphoni, p.41-42.
9. И.П.Петрушевский, Ислам в Иране, с.337.
10. Цит. раб., с.339.
11. Subagio, Simphoni, p.40.
12. Subagio, Simphoni, p.16,
13. Subagio, Simphoni, p.18.
14. О "шатхе" см. Мансур ал Халладж: И.П.Петрушевский, Ислам в Иране, с.328.
15. "Современная буржуазная философия". М., 1972, с.518, 526-527.

А.Д.Бурман

СИНКРЕТИЗМ БИРМАНСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Под синкретизмом театрального искусства обычно подразумевается слитность, нерасчлененность в нем основных форм художественного творчества — драматического текста, музыки, пения, танца и тантомимы. Синкретическая природа театрального действия, обязанная своим происхождением ритуальным истокам драмы, характерна для древних театров Японии, Китая, Индии и Индокитая. В их число входит и бирманский театр. Синкретизм классической бирманской драмы проявляется не только в выразительном плане — на уровне театральных компонентов, но и в содержательном — на жанровом, сюжетном, экстовом уровнях. Жанровая недифференцированность бирманской дра-